

С. В. Смирнов

ЯПОНСКИЕ ШКОЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ХАРБИНЕ (1920–1945)

Аннотация: Статья посвящена практически не изученной в отечественной и зарубежной историографии проблеме: деятельности японских школ русского языка в Харбине, крупнейшем русском эмигрантском центре в Китае в 1920–1930-е годы. Опираясь на документы из отечественных центральных и региональных архивов, а также архива Гуверовского института, автор сосредотачивает свое внимание на деятельности двух учебных заведений, работавших в Харбине: Института Японо-Русского Общества и Учебного отряда Квантунской армии – русский язык при харбинской Японской военной миссии. Имея цель подготовку японских и русских кадров для развития торгово-промышленных и других дел между Японией и Россией, Институт Японо-Русского общества тем не менее имел тесные связи с японской разведкой, снабжая ее кадрами для работы по русской линии. Учебный отряд Квантунской армии изначально был создан для подготовки специалистов со знанием русского языка для нужд японской разведки и армии, что было связано с обострением японо-советских отношений на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х годов. Оба учебных заведения имели в своем составе русских сотрудников, важную роль среди которых играли бывшие военные. В статье рассматриваются биографии некоторых сотрудников учебных заведений по преподаванию русского языка в Харбине. Конец деятельности школ русского языка был положен советско-японской войной в августе 1945 года. Практически все русские преподаватели японских школ русского языка были репрессированы.

Ключевые слова: Харбин, русская эмиграция, японская разведка, Институт Японо-Русского общества, Японская Военная миссия (ЯВМ), школа русского языка ЯВМ.

Sergei V. Smirnov

JAPANESE SCHOOLS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN HARBIN (1920-1945)

Abstract: The article is devoted to scantily studied in Russian and foreign historiography of the problem – the activities of Japanese schools in teaching Russian language in Harbin, the largest Russian émigré center in China in 1920-1930s. Based on the documents from Russian Central and regional archives, and archives of the Hoover institution, the author focuses on the activities of the two schools, who worked in Harbin. Institute for Sino-Russian Society and the Training detachment of the Kwantung Army – Russian language, operating in the structure of the Japanese military mission. With the aim of training Japanese and Russian personnel for the development of commercial, industrial, and other relations between Japan and Russia, Institute of Sino-Russian Society nevertheless had close ties with the Japanese intelligence service, supplying it staff to work on the Russian lines. A training detachment of the Kwantung Army was originally created for training of specialists with knowledge of the Russian language for the needs of the Japanese intelligence service and the army, which was associated with the worsening Sino-Soviet relations in the Far East during the second half of the 1930s. Both institutions have in their composition of Russian officers, an important role among which is played by former military. The article deals with the biography of certain employees of educational institutions for teaching Russian language in Harbin. Activities of Japanese schools in teaching the Russian language was discontinued during the Soviet-Japanese war in August 1945. Almost all the Russian teachers of the Japanese schools was repressed.

Key words: Harbin, the Russian emigration, Japanese intelligence, the Institute of Sino-Russian society, the Japanese Military mission (JMM), the school of the Russian language of JMM.

Начало изучения японцами русского языка было положено во второй половине XIX в., однако особенную актуальность подготовке специалистов со знанием русского языка придало обострение отношений между Японией и Российской империей на рубеже XIX–XX вв., революция и Гражданская война в России, сопровождавшаяся интервенцией Японии и других стран Антанты на Дальнем Востоке.

Наиболее крупными центрами изучения русского языка в Японии в 1920–30-е гг. являлись Институт иностранных языков в Токио, русское отделение историко-филологического факультета университета Васэда (Токио), Институт иностранных языков в Осака. Еще одним интересным заведением по обучению русскому языку являлся Институт Японо-Русского общества¹ в Харбине, открытый в 1920 г.

Целью Института Японо-Русского общества была подготовка русских и японских кадров, «желающих посвятить себя в будущем торгово-промышленным и другим делам уже завязанным и завязываемым между Россией и Японией» [8]. Выбор в качестве места учреждения Института Харбина определялся наличием здесь мощной русскоязычной среды, позволявшей сочетать теоретическое и практическое изучение языка и его более быстрое освоение. Председателем комитета по учреждению Института стал барон Гото Симпэй, председатель Японо-Русского общества, один из наиболее последовательных сторонников развития дружественных и союзнических отношений с Россией, но не с большевиками. В состав харбинского комитета по организации Института входило около сорока крупных общественных деятелей, представителей банковского и промышленного капитала, включая японского консула в Харбине и бывшего губернатора Приамурья Н. Л. Гондатти, служившего начальником Земельного отдела КВЖД и являвшегося членом Японо-Русского общества в Токио. Кроме того, в составе учредителей были представлены начальник местной Японской Военной миссии (ЯВМ – Токуму кикан), генерал-майор Исидзака Дзэндзиро, а также не занимавший никакой определенной должности Н. И. Ландышев, секретный агент ЯВМ [3, 12; 8].

Генерал Исидзака был крупным специалистом по России. Получив первоначальное военное артиллерийское образование, он с 1902 г. являлся сотрудником Генерального штаба Японской Императорской армии. Генерал осуществил разведывательную командировку на территории Маньчжурии и русского Забайкалья (1902), выполнял функции резидента Генерального штаба во Владивостоке (1903–1904), в годы русско-японской войны возглавлял разведку 2-й армии. В 1906 г. подполковник Исидзака был направлен на языковую стажировку в Россию, после чего оставлен там в качестве резидента Генерального штаба в Одессе (1907–1909). В период Первой мировой войны Исидзака, уже в чине полковника, получил назначение в качестве представителя японского Генерального штаба при 5-й русской армии, а с августа 1916 г. – главного представителя при Ставке Верховного Главнокомандующего. С января 1917 по апрель 1918 г. генерал-майор Исидзака был японским военным атташе в России².

¹ Японо-Русское общество было учреждено в Токио в 1902 г. Общество преследовало цель расширения русско-японской торговли и развития культурных контактов. Основателями Общества являлись Утида Рёхэй и Андо Кэнсукэ.

² Информация любезно предоставлена историком из Благовещенска А.Г. Зорихиным.

Интерес Военной миссии, главной разведывательной структуры Японии в Маньчжурии и России, к созданию Института был вполне понятен. При Институте предполагалось организовать бюро книгоиздательства, публичную библиотеку и, самое интересное, справочное бюро, которое занималось бы изучением российской истории, географии, политики, торговли, промышленности [8], т.е., фактически, разведкой на основе анализа открытых источников. Еще одним штрихом, подчеркивающим степень внимания японской стороны к Институту Японо-Русского общества, являлось торжественное дарование Институту принцем Котохито, фельдмаршалом и членом Высшего Военного совета Японии, штандарта [8].

Первым директором Института (1920–1924) стал Ида Кохэй. Обучение в Институте составляло три года и было сосредоточено в основном на изучении русского языка. Из других предметов, преподаваемых студентам, известна истории России, советское право, бухгалтерия. На дневном отделении Института в рамках каждого курса обучалось до 60 человек (две студенческие группы). Кроме того, существовали вечерние курсы русского языка для японцев и вечерние курсы японского языка для русских, открытые осенью 1920 г. [8]. С 1923 г., после окончания интервенции в Россию, численность студентов снизилась и в 1926 г. составляла уже не более 110–115 человек [5, с. 1].

В 1921 г. при Институте было создано Общество «Киокко» (Аврора), целью которого являлось содействие взаимной солидарности, приобретению знаний и физическому развитию. Члены Общества разбивались на шесть категорий: действительные члены (студенты Института), сочувствующие члены (лица, окончившие Институт), специальные члены (педагоги и служащие Института), почетные члены (лица, избранные общим собранием), члены-соревнователи (лица, сочувствующие идеям Общества и внесшие единовременно не менее 50 иен или вносящие по 10 иен ежегодно) и второстепенные члены (слушатели Института и вечерних курсов). Общество имело ряд отделов: джиу-джитсу, фехтования, бейсбола, лаун-тенниса, спортивных состязаний, ораторского искусства, музыкальный, литературно-издательский, ученический клуб, хозяйственно-контрольный [8].

В состав русских преподавателей Института входили Л.Г. Ульяницкий, Ласс, Щепин, Н. В. Борзов, Н. В. Устрялов, И. И. Гогладзе [5, с. 7]. Большею частью это были известные педагоги, преподававшие в русских средних и высших учебных заведениях Харбина. С 1923 г. к преподаванию в Институте стали привлекаться бывшие русские офицеры. В частности, здесь работали офицеры-генштабисты полковник А. А. Тихобразов, ротмистр П. Квятковский (одновременно выполнял функции секретаря Института), полковник Я. Я. Смирнов. Все они являлись членами антисоветских военных организаций. В середине 1920-х гг. в связи с улучшением советско-японских отношений и открывавшимися перспективами сотрудничества между двумя странами на Дальнем Востоке русские офицеры из преподавательского состава Института были уволены. Единственным бывшим офицером, сменившим в 1926 г. уехавшего в китайскую армию Тихобразова, остался полковник-артиллерист И. С. Ильин, получивший место в Институте благодаря протекции японского генерального консула Амо [4, с. 261]. В отличие от своих предшественников Ильин не относился к белым активистам.

До какого времени существовал Институт Японо-Русского общества неизвестно, но в конце 1928 г. он еще работал. Вероятно, в 1930-е гг. в условиях крайней узости советско-японских отношений потребности в подготовке специалистов со знанием русского языка обеспечивали японские учебные заведения. Очередной всплеск интереса к русскому языку в японских военно-политических кругах был вызван начавшейся летом 1937 г. японо-китайской войной, в которой Советский Союз принял сторону Китая и стал активно помогать правительству Чан Кайши. Это обострило отношение с Японией и привело в 1938–1939 гг. к двум военным инцидентам – на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Именно после хасанского инцидента, в конце 1938 г., руководством Квантунской армии было принято решение о создании при харбинской Военной миссии специальной школы для обучения русскому языку японских военных.

Школа, получившая официальное наименование «Учебный отряд Квантунской армии – русский язык» (Кантогун росияго кёйкутай), с 1942 г. – отряд 345, была организована при 5-м отделе харбинской ЯВМ и располагалась на пересечении Почтовой и Пекинской улиц, в здании бывшей женской гимназии Оксаковской.

Начальниками школы в разное время являлись японские офицеры: Наумура, подполковник Камидзё, подполковник Танака Ёсихиса (1940–1943), капитан Сато (1944–1945). Всего в школе работало около 10 японских строевых офицеров.

В курсанты школы зачислялись рядовые и унтер-офицеры из различных японских воинских частей, имевшие образовательный ценз не ниже среднего. Количество обучающихся после реорганизации школы весной 1940 г. составило 300 человек (в 1944-м – 400), разбитых на три класса (взвода) – младший, средний и старший с соответствующим знанием русского языка. После окончания каждого курса производился отсев неуспевающих курсантов. Основными учебными предметами в школе были русский военный и обычный разговорный язык, пение русских песен, прямой и обратный переводы, организация РККА, история, быт и политический строй СССР, методы опроса и допроса военнопленных, военная подготовка, фехтование. Срок обучения в школе составлял 9–10 месяцев. По итогам выпускных экзаменов курсанты получали квалификацию переводчика русского языка 1-й, 2-й или 3-й класса [1, с. 35–61; 2, с. 9–13; 7, с. 66–68].

Первоначально количество русских преподавателей школы составляло пять человек, но к началу 1941 г. увеличилось до двадцати шести: 15 мужчин, 11 женщин. Из них – десять человек являлись бывшими офицерами. Большая часть русских сотрудников имели в прошлом преподавательский опыт [1, с. 35–61; 2, с. 9–13].

Русским инспектором преподавательской группы почти все время существования школы состоял капитан Л. Н. Гредякин, участник Первой мировой и Гражданской войны, кадровый офицер-артиллерист, владевший японским языком. В Гражданскую командовал батареей Уральского артдивизиона. В Маньчжурию эвакуировался с белыми войсками в 1922 г., имея на руках жену и маленького сына. По прибытии в Маньчжурию практически сразу занялся преподавательской деятельностью. В 1925 г. окончил курсы китайского языка в Мукдене, работал учителем в школах Цицикара и Харбина. Японский язык, по-видимому, осваивал самостоятельно. Являлся членом Русского учительского общества и Харбинского

отделения Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). В школу русского языка ЯВМ Гредякин попал в составе первых преподавателей по разрядке Бюро российских эмигрантов (БРЭМ). В 1941 г. капитан, как один из наиболее опытных преподавателей, направлялся на четыре месяца для работы в Институт иностранных языков в Осака [2, с. 8–13, 26]. Такие командировки с конца 1930-х гг. стали явлением постоянным. Известно, что в 1939 г. в университет Васэда для участия в обучении японских военных русскому языку была направлена группа русских эмигрантов, которую возглавил подполковник Б. А. Стржешевский, выпускник восточно-экономического отделения Харбинского Юридического факультета, изучавший японский язык. До командирования в Японию Стржешевский служил начальником 5-го (благотворительного) отдела БРЭМ [6, с. 1–90].

Особое место в харбинской школе ЯВМ занимал прекрасно знавший японский язык В. А. Липовицкий, личный переводчик начальника школы и участник составления всех учебных пособий для японских слушателей школы. Липовицкий, воспитанник Хабаровского кадетского корпуса, оказался в Харбине в начале 1920 г. в 12-летнем возрасте. Его отец, поручик А. Н. Липовицкий, служил помощником начальника контрразведки во Владивостоке и вынужден был бежать с семьей в Маньчжурию после захвата левыми власти во Владивостоке. В Харбине семью Липовицких приютил их родственник Н. И. Ландышев, сотрудничавший с японской разведкой. Благодаря Ландышеву, являвшемуся одним из учредителей Института Японо-Русского общества, Владимир начал изучать японский язык и очень удивил японца из Военной миссии, когда явился с запиской от дяди. После этого мальчик несколько месяцев работал в ЯВМ рассыльным. Уже позднее, в 1927 г. Липовицкий вновь оказался на работе в Военной миссии, чтецом русских газет для начальника миссии подполковника Андо Риндзо. Помог отъезжавший в Японию сотрудник миссии Судзуки, близкий знакомый отца Липовицкого, также сотрудничавшего с японской разведкой. В ЯВМ В. А. Липовицкий познакомился с капитаном Акикусой Сюном, считавшимся одним из лучших специалистов по русским делам. В 1932 г., после провозглашения Маньчжоу-го, Липовицкий, как человек, располагавший доверием со стороны японцев, получил направление на службу в Харбинскую полицию. В 1937–1938 гг. он обучался в Токийской полицейской школе, будучи на своем курсе единственным русским из 30 человек. В Токио он поддерживал дружеские отношения и несколько раз встречался с Акиусой, уже подполковником, начальником контрразведывательного отделения «Яма» Генерального штаба. После возвращения из Токио Липовицкий продолжал работать в Биньцзиньском полицейском управлении. В 1940 г. он был направлен для работы в школу русского языка при ЯВМ, одновременно состоял сотрудником редакции журнала «Друг полиции» и начальником Харбинского пожарного управления в 1942–1945 гг. В 1943 г. Липовицкий получил звание пристава полиции (соответствовало армейскому званию подполковника), которое кроме него в Харбине имел только один русский полицейский – С. Ф. Яковлев [3, с. 9–39], бывший поручик Российской Императорской армии, служивший в полиции с 1918 г.

Возвращаясь к деятельности школы русского языка харбинской ЯВМ, нужно отметить, что за весь период существования (до лета 1945 г.) состоялось 7 или 8

выпусков военных переводчиков, в общей сложности до 700 человек [3, с. 24]. Часть выпускников школы, пройдя тщательную проверку, пополняли штаты Военных миссий в Маньчжоу-го, другие возвращались в качестве переводчиков в свои воинские части. По штатному расписанию Квантунской армии, на дивизию полагалось не менее десяти переводчиков русского языка [7, с. 62], а в 1945 г. их количество увеличилось.

Школа русского языка была ликвидирована в августе 1945 г. вместе с закрытием других подразделений ЯВМ. С приходом советских войск в Харбин большая часть ее бывших русских преподавателей была арестована контрразведкой «Смерш» и вывезена на территорию Советского Союза.

Литература

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37129. Козловский Г.А.
2. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37486. Гредякин Л.Н.
3. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40285. Липовицкий В.А.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Дневник Ильина И.С. за 1920–1926 гг.
5. ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Дневник Ильина И.С. за 1926 – 1929 гг. 2 часть.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45613. Стржешевский Б.А.
7. *Забелин А. Е.* Харбинская школа военных переводчиков // Япония наших дней. 2011. № 3 (9). М. : ИДВ РАН, 2012. С. 61–76.
8. Hoover Institution Archives (HIA). N.V. Borzov Papers. B. 18. F. 18.5.

References

- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 37129. Kozlovskii, G.A.
- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 37486. Grediakin, L.N.
- GAAOSO – *Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R–1. List 2. Dossier 40285. Lipovitskii, V.A.
- GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 6599. List 1. Dossier 8. Il'in, I. P. Diary, 1920–1926.
- GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 6599. List 1. Dossier 9. Il'in, I. P. Diary, 1926–1929. Part 2. Stock R-830. List 3. Dossier 45613.
- GARKH – *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia* [State Archive of the Khabarovsk Krai].
- HIA – *Hoover Institution Archives*. N.V. Borzov Papers. B. 18. F. 18.5. Strzheshesvkii, B.A.
- Zabelin, A. E. (2012). Kharbinskaia shkola voennykh perevodchikov [Harbin School of Military Interpreters]. In *Iaponiia nashikh dnei*, 3 (9). Moscow, IDV RAN, pp. 61–76.

The article was submitted on 17.04.2017